

18+ Алексей Королевский

Маршрут перестроен

Православные рассказы

Алексей Королевский

**Маршрут перестроен.
Православные рассказы**

«Издательские решения»

Королевский А.

Маршрут перестроен. Православные рассказы / А. Королевский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689150-0

Сборник рассказов приглашает читателя поразмышлять о присутствии Бога в мире современных технологий и деловых будней. Каждая история — это поиск духовного смысла в привычных терминах: от системной интеграции до репутационных рисков. Как сохранить чистоту сердца в эпоху «цифры» и найти «точку безубыточности» для собственной души? Книга адресована современному человеку, ищущему ответы на вечные вопросы в декорациях XXI века.

ISBN 978-5-00-689150-0

© Королевский А.
© Издательские решения

Содержание

Доверительное управление	6
Запасной путь	10
Непрофильный актив	13
Полевые исследования	17
Упущенная выгода	21
Тепловой контур	26
Пересортица	30
Органическая выдача	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маршрут перестроен Православные рассказы

Алексей Королевский

Дизайнер обложки ChatGPT

© Алексей Королевский, 2025

© ChatGPT, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-9150-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Доверительное управление

Виктор, успешный управляющий частным капиталом, привык контролировать миллиардные потоки и судьбы корпораций. Он живет в мире, где у всего есть цена, а риск – это просто цифра в отчете. Но однажды, на пике карьерного триумфа, он сталкивается с тем, что не поддается хеджированию – с тотальной внутренней пустотой. Случайный визит в храм открывает ему иную экономику – экономику благодати, где главным активом становится смирение, а самую ценную инвестицию невозможно монетизировать.

Сорок восьмой этаж башни «Федерация» тонул в низком, ватном тумане, который с утра накрыл Москву. В кабинете Виктора Андреевича стояла та особая, дорогая тишина, которая бывает только в помещениях с идеальной звукоизоляцией и системой климат-контроля, фильтрующей даже запах города. На столе из массива мореного дуба лежал подписанный контракт. Сделка года. Слияние, которое аналитики называли невозможным, состоялось. Комиссионные Виктора составляли сумму с шестью нулями – в твердой валюте.

Виктор откинулся в кресле Herman Miller, чувствуя, как дорогая кожа холодит спину. Ему было сорок пять. Он выглядел на тридцать восемь благодаря нутрициологам, косметологам и личному тренеру. Он был управляющим партнером фонда прямых инвестиций. Его профессия заключалась в том, чтобы брать чужие деньги, приумножать их и оставлять себе солидный процент. Доверительное управление – термин, который он знал наизусть. Люди доверяли ему свои капиталы, потому что он был циничен, умен и никогда не ошибался в расчетах.

Он должен был чувствовать триумф. Шампанское «Кристалль» уже охлаждалось в переговорной. Партнеры ждали. Но вместо радости в груди ворочался липкий, холодный ком. Это началось не сегодня, а копилось месяцами, как токсичный актив, который невозможно списать с баланса. Виктор называл это «выгоранием», пил витамины, летал на Мальдивы, менял автомобили, но ком не исчезал. Он рос.

- Виктор Андреевич, вас ждут, – мягкий голос секретарши через селектор.
- Пять минут, – буркнул он.

Он подошел к панорамному окну. Там, внизу, ползли крошечные огоньки машин. Люди спешили, суетились, зарабатывали на ипотеку, на еду, на отпуск. У него было всё, о чем они мечтали, и даже больше. Но почему-то хотелось выть. Не громко, а так, сквозь зубы, чтобы не испортить виниры.

Вечером, отказавшись от торжественного ужина, он сел в свой «Майбах». Водитель, молчаливый крепкий парень, вопросительно посмотрел в зеркало заднего вида.

- Домой, шеф?
- Просто катайся. По центру. Медленно.

Они плыли по мокрым улицам. Мимо проносились витрины бутиков, ресторанов, сверкали неонов вывески. Виктор смотрел на этот парад тщеславия и видел только цифры. Этот ресторан убыточен, закроется через полгода. У этого бренда кассовый разрыв. А здесь – просто схема по отмыванию. Мир был прозрачен, понятен и оттого невыносимо скучен.

На одном из перекрестков в переулках Замоскворечья они встали. Впереди случилась авария, навигатор рисовал «бордовую» пробку. Виктор опустил стекло. Влажный воздух пах

бензином и мокрым асфальтом. И вдруг, сквозь шум моторов и гудки, он услышал звук. Колокол. Не праздничный перезвон, а мерные, глухие удары. Бэм. Бэм.

Справа, за кованой оградой, стоял храм. Не тот, парадный, с золотыми куполами, куда вводят туристов, а старый, приземистый, с облупившейся штукатуркой на колокольне и лесами у входа. Храм Николы в Пыжах или что-то вроде того. Виктор никогда не запомнил названий.

- Я выйду, – неожиданно для себя сказал он.
- Виктор Андреевич, тут грязно, дождь... – начал водитель.
- Жди здесь.

Он вышел. Дорогие итальянские туфли сразу ступили в лужу. Ему было все равно. Он пошел на звук, как идут на маяк в шторм. Калитка скрипнула. Во дворе было пусто и темно, только горел фонарь над входом. Виктор толкнул тяжелую деревянную дверь.

Внутри пахло ладаном и теплым воском. Шла вечерняя служба. Народу было немного: несколько старушек в темных платках, молодая пара с ребенком, какой-то мужчина в рабочей куртке. Полумрак, разгоняемый лишь лампадами и свечами, создавал странное ощущение уюта и одновременно строгости. Здесь не было панорамных окон и дизайнерского света. Здесь стены дышали веками.

Виктор встал в углу, стараясь быть незаметным в своем кашемировом пальто за полмиллиона. Хор пел тихо, слаженно: «Свете тихий святых славы...». Слова были непонятны, но мелодия проникала куда-то под ребра, минуя мозг, прямо в ту точку, где болело.

Он смотрел на иконостас. Лики святых взирали на него строго и печально. Они не спрашивали про ЕВТДА, про маргинальность и курсы валют. Им было все равно, какой у него автомобиль. Это пугало и притягивало. Впервые за много лет Виктор почувствовал себя не хозяином положения, а кем-то очень маленьким.

Служба закончилась. Люди потянулись к кресту. Виктор хотел уйти, но ноги словно приросли к каменному полу. Из алтаря вышел священник – невысокий, седобородый, в потертой ризе. Отец Андрей, как позже узнал Виктор.

Священник заметил его. Не подобострастно, как обычно смотрели на Виктора люди, видящие его статус, а просто, внимательно.

– Вы кого-то ищете? – спросил отец Андрей. Голос у него был тихий, но в пустом храме звучал отчетливо.

Виктор усмехнулся. Привычная маска циника вернулась на место.

– Покая ишу, отче. Сколько он у вас стоит? Могу пожертвовать на реставрацию. Вижу, леса стоят давно.

Отец Андрей улыбнулся, и морщинки вокруг его глаз собрались в добрую сетку.

– Покой, Виктор (вы ведь Виктор, верно? У вас вид победителя), не продается. Это не товар. Это дар. А леса стоят, потому что торопиться некуда. Храм строится молитвой, а не только кирпичом.

– У всего есть цена, – жестко сказал Виктор. – Я управляю активами на миллиарды. Я знаю, как работает мир.

– Вы управляете цифрами, – мягко поправил священник. – А миром управляет Промысл Божий. Это, знаете ли, разные юрисдикции. Вы занимаетесь доверительным управлением чужих средств. А кто управляет вашей жизнью?

Виктор замер. Вопрос ударил точно в цель.

– Я сам, – ответил он, но голос предательски дрогнул.

– Неужели? – отец Андрей подошел ближе. – Если вы управляете, то почему в ваших глазах такая тоска? Хороший управленец не доводит вверенный объект до разрушения.

Виктор молчал. Ему нечего было возразить. Вся его логика, все навыки переговоров разбились об эту простую истину.

– Ваша душа, Виктор, – это тоже актив. Самый ценный. Нематериальный, но вечный. И сейчас она в глубоком кризисе. Дефицит благодати. Технический дефолт, если говорить вашим языком.

– И что делать? – вырвалось у Виктора. – Какой антикризисный план?

– Смена управляющего, – просто сказал отец Андрей. – Передайте контрольный пакет Богу. Доверьтесь Ему. Это и есть вера. Не свечки ставить, чтобы сделка выгорела, а сказать: «Господи, я запутался. Управи Сам».

В тот вечер они проговорили час. Виктор не исповедовался в полном смысле слова – он еще не был к этому готов. Он просто говорил. О страхе, что все рухнет. О том, что друзья – это партнеры, а жена – это статус. О том, что деньги пахнут пылью. Отец Андрей слушал, иногда кивал, не осуждая и не поучая.

Когда Виктор вышел из храма, дождь уже кончился. Водитель дремал в машине. Виктор сел на заднее сиденье.

– Домой, Виктор Андреевич?

– Домой, – кивнул он.

На следующий день он пришел на работу вовремя. Те же графики, те же звонки, те же лица. Но что-то изменилось. Словно кто-то протер мутное стекло.

В обед он снова поехал в тот храм. Просто постоять пять минут. Купил в свечной лавке Евангелие. Начал читать в машине, в пробках, вместо просмотра котировок Bloomberg.

Перемены не были мгновенными. Виктор не раздал все имущество нищим и не ушел в монастырь на следующий день. Он остался в бизнесе. Но изменился стиль его работы. Он перестал «отжимать» конкурентов, если это противоречило совести. Он закрыл несколько сомнительных проектов, потеряв на этом приличные деньги, чем вызвал шок у совета директоров.

– Это репутационные риски! – кричал ему партнер.

– Нет, – спокойно отвечал Виктор. – Это спасение главного актива.

Он стал часто бывать у отца Андрея. Помог с реставрацией – молча, без табличек «от благодетеля». Но главное происходило внутри. Он учился молиться. Это оказалось труднее, чем управлять холдингом. Усмирить свой ум, привыкший просчитывать выгоду, и просто сто-

ять перед иконой, шепча «Господи, помилуй», было невероятно сложно. Враг рода человеческого подкидывал мысли: «Ты теряешь время», «Ты выглядишь глупо», «Это для слабых».

Но однажды, во время Литургии, когда хор запел «Херувимскую», Виктор почувствовал то, чего не чувствовал никогда. Не эйфорию успеха, не адреналин победы. А тишину. Глубокую, плотную тишину внутри сердца, где больше не была пустота. Он понял, что впервые в жизни его внутренний баланс сошелся. Дебет и кредит сравнялись.

Он стоял на коленях, уткнувшись лбом в прохладный пол, и по его щекам текли слезы. Слезы человека, который всю жизнь строил замки на песке, а теперь нашел Камень. Рядом стоял врач, учительница, какой-то айтишник в толстовке, и он, миллионер в костюме Brioni. И разницы между ними не было никакой. Все они были банкротами, которым простили долг, который они не могли выплатить.

Спустя год Виктор сидел в кабинете отца Андрея, в маленькой трапезной при храме. На столе стоял простой чай и сушки.

– Знаете, отче, – сказал Виктор, размешивая сахар. – Я раньше думал, что свобода – это когда ты можешь купить всё.

– А теперь? – прищурился священник.

– А теперь я знаю, что свобода – это когда ты понимаешь, что тебе не нужно всё. Что ты не владелец этого мира, а всего лишь наемный менеджер. И Владелец – очень милостив, но строг.

Отец Андрей кивнул и накрыл своей морщинистой ладонью холеную руку Виктора.

– Главное, Витя, отчетность вовремя сдавать. И не забывать, что дивиденды будут выплачены не здесь.

Виктор вышел на улицу. Москва шумела, сверкала, бежала. Но этот шум больше не оглушал его. Он достал телефон, где висело уведомление о непрочитанных сообщениях от совета директоров, улыбнулся и убрал его в карман. Подождет. Сейчас у него была более важная встреча – со своим собственным сердцем, в котором наконец-то поселился Бог.

— —

Запасной путь

Виктор, успешный директор по логистике, привык контролировать каждую минуту своей жизни. Но в Рождественский сочельник его поезд намертво встает посреди заснеженного поля из-за аварии. Оказавшись в замкнутом пространстве без связи и электричества, в компании уставшего врача-реаниматолога и сельского священника, Виктор вынужден столкнуться с тем, что не поддается никакому планированию – с Тишиной, собственной душой и Рождаящимся Богом.

Виктор посмотрел на светящийся циферблат смарт-часов. Пульс – семьдесят два, уровень стресса – умеренный, время – двадцать три ноль пять. За окном фирменного поезда проносились непроглядная, густая тьма, изредка разрываемая рыжими пятнами фонарей на безымянных полустанках.

Как директор по логистике крупного ритейлера, Виктор ненавидел неопределенность. Его жизнь была выстроена, как идеальная цепочка поставок: «точно в срок», «бережливое производство», «минимизация издержек». Даже это путешествие – вынужденная командировка в региональный филиал накануне Рождества – было расписано по минутам. В восемь утра прибытие, в девять совещание, в двенадцать – обратный вылет. Рождественский ужин с семьей был запланирован на девятнадцать ноль-ноль. Тайминг жесткий, но выполнимый.

Поезд дернулся. Скрежет тормозных колодок прозвучал как визг огромного, раненого зверя. Вагон качнуло, чемодан на верхней полке глухо стукнул о переборку. Состав, лязгнув всем своим металлическим позвоночником, замер.

Виктор выждал тридцать секунд. В логистике бывают заминки. Но поезд стоял. Гул кондиционера стих, и на купе навалилась ватная, звенящая тишина.

Он рывком открыл дверь в коридор. Проводница, молоденькая девушка с испуганными глазами, торопливо шла с телефоном в руке.

– Что происходит? Почему стоим? – голос Виктора был по-деловому холоден, с нотками металла.

– Техническая остановка, – пролепетала она, не останавливаясь. – Обесточивание на перегоне. Метель оборвала провода. Потерпите.

Виктор вернулся в купе. Интернет пропал. Значок LTE сменился на бесполезную «Е», а потом и вовсе исчез. Он оказался отрезан от облачных хранилищ, от почты, от контроля над миром.

– Похоже, приехали, – раздался хриплый голос с нижней полки.

Сосед Виктора, мужчина лет пятидесяти с глубокими тенями под глазами, сел, потирая лицо. Они едва кивнули друг другу при посадке. Виктор знал только, что попутчика зовут Сергей и он сразу провалился в тяжелый сон.

– Авария? – спросил Сергей.

– Говорят, провода оборвало. Метель, – Виктор раздраженно захлопнул крышку ноутбука. – У меня завтра стыковка рейсов. Весь график летит к черту.

– Не поминайте врага в такую ночь, – мягко прозвучало от двери.

Виктор обернулся. В проеме стоял священник. Невысокий, в потертом подряснике, с седой бородой, в которой запутались крошки просфоры. В руках он держал стакан в подстаканнике, но кипятка в титане уже не было.

– Отец Владимир, – представился священник, слегка поклонившись. – Я из соседнего купе. Слышу – тревога у вас. А тревога – она ведь как ржавчина, душу ест.

Виктор усмехнулся. Только этого не хватало. Поп, врач и логист в застрявшем поезде. Начало анекдота.

– Виктор. Логистика и управление цепями поставок. У меня, батюшка, не тревога, а нарушение контрактных обязательств перевозчиком. Время – деньги.

– А я Сергей, – сосед протянул руку. – Анестезиолог-реаниматолог. Для меня время – это жизнь. Но сейчас, похоже, мы все равны.

Поезд начал остывать. Без электричества отопление не работало. Мороз за окном, судя по узорам, стремительно крепчал, подбираясь к тридцати градусам. Темноту разгонял лишь тусклый аварийный свет в коридоре.

Виктор не мог сидеть на месте. Он привык действовать. Решать проблемы. Он вышел в тамбур, надеясь поймать хоть какой-то сигнал. Пусто. Глухо. За обледенелым стеклом – белая мгла. Снег валил стеной, скрывая горизонт.

В тамбуре было холодно, изо рта шел пар. Отец Владимир вышел следом, накинув на плечи старенькое пальто.

– Красиво, – тихо сказал священник, глядя в круговерть снежинок.

– Это называется «форс-мажор», – огрызнулся Виктор. – Стихийное бедствие. Мы застряли посреди нигде, отец Владимир. У меня срывается тендер, у Сергея, может быть, пациенты...

– Сергей спит, – заметил священник. – Он мне сказал, что двое суток не спал. У него девочка пятилетняя на столе... не выжила. Он в отпуск едет, чтобы забыться. Ему эта остановка – милость Божия. Тишина ему нужна.

Виктор замолчал. Упоминание о смерти всегда отрезвляет, даже самых циничных менеджеров.

– А вам, Виктор, зачем бежать? – продолжил отец Владимир. – Куда вы все спешите? Весь мир сейчас превратился в один сплошной скоростной поезд. Только вот машиниста многие забыли спросить, куда едем.

– Я обеспечиваю движение, – парировал Виктор. – Если товары не приедут вовремя, люди останутся без еды, без лекарств, без подарков к вашему Рождеству. Моя работа – предсказуемость. Хаос – это зло.

– Хаос – это когда без Бога, – вздохнул отец Владимир. – А когда Бог вмешивается в наши планы – это не хаос. Это корректировка маршрута. Вы вот говорите «логистика». А знаете,

Виктор, что первое Рождество было полным логистическим провалом с точки зрения человека?

Виктор удивленно посмотрел на священника.

– В каком смысле?

– Ну, посудите сами. Перепись населения – бюрократический ад. Беременная Дева на последних сроках едет на осле. Гостиницы переполнены – «овербукинг», как вы бы сказали. Никакого комфорта, никакой стерильности. Рожать в пещере для скота, в кормушке! С точки зрения вашего планирования – катастрофа. А с точки зрения Неба – точка спасения мира.

Поезд внезапно вздрогнул, но не поехал. Где-то далеко завыв ветер. Стало по-настоящему зябко.

Они вернулись в купе. Сергей уже не спал, сидел, укутавшись в одеяло, и смотрел в темное окно.

– Знаете, чего я боюсь больше всего? – вдруг спросил врач, не оборачиваясь. – Не смерти. Я ее каждый день вижу. Я боюсь вот этой остановки. Когда бежишь – не думаешь. Адреналин, протоколы, дозировки. А когда тишина... начинаешь слышать то, что внутри. И это страшно.

Виктор сел на свое место. Он хотел возразить, сказать что-то рациональное, но слова застряли в горле. Он вдруг понял, что Сергей прав. Все эти графики, дедлайны, бесконечные звонки – это был способ заглушить внутреннюю пустоту. Он не помнил, когда последний раз просто смотрел на звездное небо. Не через иллюминатор самолета, а стоя ногами на земле.

Отец Владимир достал из сумки термос.

– У меня чай с чабрецом. Еще теплый. Давайте, братья, согреемся. Ночь-то какая... Святая ночь.

В полумраке остывающего вагона они пили чай из одной пластиковой крышки по очереди, как в древности из одной чаши. Врач, спасающий тела, священник, врачующий души, и менеджер, управляющий потоками вещей.

– Я ведь почему священником стал, – вдруг заговорил отец Владимир. – Я программистом был. В девяностые. Хорошим, системным администратором. Строил сети. Все хотел идеальную систему создать, без багов. А потом понял: самая сложная система – это человек. И

– —

Непрофильный актив

Денис, успешный оценщик залогового имущества в крупном банке, привык видеть мир через призму ликвидности и рыночной стоимости. Его очередное задание – описать имущества в старинной квартире в центре Москвы, изъятой за долги у разорившегося наследника. Среди антиквариата и дорогой мебели он находит то, что в банковских ведомостях значится как «макулатура» – коробку с письмами и дневниками репрессированного священника из 1930-х годов. Погружаясь в чтение «непрофильного актива», циничный прагматик сталкивается с парадоксом: человек в лагере был свободнее и счастливее, чем он сам в своем комфортабельном внедорожнике. Эта находка и встреча с приглашенным букинистом меняют систему координат Дениса.

Денис стянул латексные перчатки, скомкал их и с легким щелчком отправил в мусорный пакет. В квартире пахло пылью, старым лаком и чужим горем – запахом, к которому он за десять лет работы в отделе по работе с проблемными активами банка так и не смог привыкнуть до конца. Хотя и научился его игнорировать.

– Денис Викторович, – в проеме дверей гостиной нарисовался стажер, молодой парень с планшетом, в котором уже горела таблица Excel. – По мебели закончили. Гарнитур «Гале» – оригинал, состояние на троечку, реставрация съест процентов сорок маржи. Бронза – девятнадцатый век, Франция. А вот с библиотекой затык.

Денис потер переносицу. День был тяжелым. За окном висела свинцовая московская осень, швыряющая в стекло горсти ледяной крупы. Эта квартира на Остоженке была «сладким куском» – ипотечный долг наследника, прогоревшего на криптовалютах, превышал стоимость жилья вдвое. Теперь банк забирал всё.

– Что там с книгами? – спросил Денис, проходя в кабинет. Паркет жалобно скрипнул под подошвами его дорогих итальянских туфель.

– Да хлам в основном, – пожал плечами стажер. – Советские подписные издания, медицина, справочники. Но там, в углу, коробка какая-то. Рукописи, тетради. На вид – макулатура. Пишем в утиль?

Денис подошел к старому двухтумбовому столу. На нем, среди хаоса бумаг, стояла картонная коробка из-под обуви, перевязанная бечевкой. На крышке химическим карандашом было выведено: «Сохранить. Папа. 1937—1941».

– «Непрофильный актив», – машинально произнес Денис термин из банковского сленга. – Ладно, иди оформляй кухню. Я гляну.

Когда стажер ушел, Денис сел в продавленное кожаное кресло. Тишина в квартире была плотной, давящей. Он развязал бечевку. Внутри лежали стопки пожелтевших листков, исписанных мелким, убогим почерком, местами выцветшим до нечитаемости. Письма. Дневники.

Он наугад вытянул один листок. Бумага была ветхой, шершавой, словно хранила память о холодных пальцах, касавшихся её почти век назад.

«Родные мои, радость моя! – читал Денис, шурясь в сумерках. – Пишу вам с оказией, пока конвой дремлет. Не печальтесь обо мне. Здесь, на лесоповале, холодно телу, но как же горячо духу! Никогда раньше, в тепле нашей уютной квартиры, я не чувствовал такой близости Господа. Вчера, когда нас гнали по этапу, я видел закат такой немыслимой красоты, что заплакал от благодарности Творцу. Молитесь не о моем освобождении, а о том, чтобы я не предал Христа в сердце своем, ибо только это есть истинная тюрьма, а здесь я – свободен...».

Денис отложил листок. Свободен? На лесоповале? В 1937 году?

Он посмотрел на свои часы – швейцарский хронометр стоимостью в полгода работы обычного менеджера. Вспомнил свой вчерашний вечер: элитный ресторан, скучный разговор с партнерами, дорогая еда, не приносящая удовольствия, и ночная бессонница в пустой квартире с дизайнерским ремонтом. Он, Денис, имеющий всё, о чем мечтает средний обыватель, чувствовал себя загнанным зверем. А этот человек, лишенный всего, писал о радости.

– Бред какой-то, – пробормотал он, но рука потянулась за следующим письмом.

«...Отец Петр вчера исповедовал меня прямо на делянке, пока мы тащили бревна. Мы пели „Свете Тихий“ шепотом, и казалось, что сосны вокруг превратились в колонны храма, а снег – в облачение. Враг рода человеческого силен пугать нас голодом и страхом, но любовь Божия сильнее. Митенька, сынок, если я не вернусь, не держи зла на тех, кто меня забрал. Их души в большей опасности, чем мое тело. Молись за них».

Денис почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Это было нелогично. Это не укладывалось в КРП, в дебет и кредит, в структуру ликвидности. Человек благодарил Бога за каторгу? Прощал палачей?

Звонок мобильного разорвал тишину, как выстрел. Звонил начальник департамента.

– Денис, ты закончил? У нас покупатель на квартиру торопит. Что с описью?

– Почти, – голос Дениса звучал хрипло. – Тут... тут есть нюанс. Нужно эксперта вызвать. Букиниста.

– Ты спятил? Время – деньги. Выкидывай хлам.

– Я вызову за свой счет. Это не хлам.

Он нажал отбой, удивляясь собственной дерзости. Через час в дверь позвонили. Приехал Иван Ильич, старый знакомый антиквар, с которым банк иногда сотрудничал по особо сложным лотам. Маленький, сухонький старичок с цепким взглядом поверх очков-половинок.

– Ну-с, молодой человек, что тут у вас? – Иван Ильич отряхнул зонт. – Опять ищите бриллианты в стульях?

– Нет, – Денис подвел его к столу. – Вот. Посмотрите. Это имеет... ценность?

Антиквар надел перчатки, взял несколько писем, поднес к глазам. Сначала он хмыкал, потом затих. Минуты текли медленно. Слышно было только шуршание бумаги и тяжелое дыхание старика. Наконец он поднял голову. Глаза его за стеклами очков влажно блеснули.

– Вы спрашиваете о цене, Денис Викторович? – тихо спросил он. – Если выставить это на аукцион как архив священномученика... а я почти уверен, что это письма отца Николая

(Загоровского), судя по стилю и датам... коллекционеры дадут хорошие деньги. Тысячи долларов.

Денис кивнул. Рыночная стоимость определена. Можно вносить в реестр.

– Но, – продолжил Иван Ильич, снимая очки и глядя Денису прямо в глаза, – есть и другая стоимость. Балансовая стоимость души, если хотите. Эти бумаги – свидетельство победы духа над материей. Того самого, чего нам всем сейчас так не хватает. Знаете, кто жил в этой квартире?

– Внук. Программист, кажется.

– Внук... – антиквар вздохнул. – А писал это его прадед. Человек, который владел главным сокровищем мира – верой. И, судя по тому, что внук это не продал и не выкинул, а хранил, хоть и в долгах... может, и у него была надежда.

– Надежда на что?

– На возвращение. К самому себе.

Иван Ильич аккуратно сложил письма обратно в коробку.

– Я могу оценить это для банка в сто рублей, как макулатуру. Чтобы вам не пришлось возиться с торгами. Но при одном условии.

– Каком? – напрягся Денис.

– Вы не оставите это здесь. И не отдадите банку. Вы заберете это себе. Или отдадите в храм.

Денис посмотрел на коробку. «Непрофильный актив». Если он внесет это в опись как ценность, начнется бюрократия: экспертизы, хранение, торги. Бумаги будут лежать в сейфе годами. А если списать...

– Пишите: «Бумажные отходы, ветхие, не представляющие материальной ценности», – твердо сказал Денис.

Иван Ильич улыбнулся – одними глазами, тепло и мудро.

Когда опись была закончена и стажер уехал на такси, Денис остался в квартире один. Он взял коробку под мышку. Она казалась странно тяжелой, словно внутри лежал не бумажный прах, а слитки золота. Или что-то еще более весомое.

Он вышел в дождь, сел в свой черный внедорожник. Бросил коробку на соседнее сиденье. Кожа салона скрипнула, принимая груз. Денис запустил двигатель, но не тронулся с места. Он смотрел на мокрое лобовое стекло, по которому красными змеями ползли огни стоп-сигналов впереди стоящей пробки.

«Молитесь не о моем освобождении, а о том, чтобы я не предал Христа...»

Денис вдруг ясно осознал: он сам находится в тюрьме. Тюрьме из обязательств, статусов, брендов, цифр и бесконечной гонки за успехом. У него не было конвоя, но он не был свободен. У него была еда, но он был голоден.

Он включил плафон освещения в салоне, достал одно письмо и снова начал читать. Строчки расплывались, но теперь уже не от сумерек. Впервые за много лет у него, «железного» кризис-менеджера, по щекам текли слезы.

Телефон снова зажужжал. Очередной клиент, очередная сделка. Денис нажал кнопку «Выключить». Экран погас.

Он включил передачу, но повернул не в сторону своего элитного жилого комплекса. Навигатор недовольно пискнул: «Маршрут перестроен». Денис ехал по набережной, туда, где золотился в свете прожекторов купол старого храма, который он проезжал мимо каждый день в течение пяти лет, ни разу даже не повернув головы.

Машина остановилась у церковной ограды. Ворота были еще открыты, хотя вечерняя служба давно закончилась. Денис взял коробку, вышел под ледяной дождь, не раскрывая зонта. Холодная вода текла за шиворот, портя дорогой костюм, но ему было все равно. Ему вдруг стало легко.

Он вошел в притвор. В храме было почти пусто, лишь у свечного ящика дежурила пожилая женщина, да где-то в глубине, у аналая, виднелась согбенная фигура священника в епитрахили. Пахло ладаном и теплым воском – запах, который, как оказалось, был роднее и нужнее запаха денег.

Денис подошел к священнику. Тот обернулся – усталое, но светлое лицо, седая борода.
– Храм закрывается, но если вам нужно... – начал батюшка, увидев мокрого, растерянного мужчину с обувной коробкой в руках.

– Отец... – Денис запнулся. Он не знал, как обращаться, не знал правил, не знал молитв. – Я принес... Это не мое. То есть, теперь мое, но... Это письма. Оттуда. Из тридцать седьмого.

Священник внимательно посмотрел на него, потом на коробку. Взгляд его потеплел.
– «Оттуда» письма редко приходят просто так, – тихо сказал он. – Они приходят, когда их адресат наконец-то готов их прочитать. Проходите. Давайте посмотрим вместе.

Денис шагнул вперед, под своды, чувствуя, как с каждым шагом от него отваливается шелуха его прошлой, «инвентаризированной» жизни, и начинается что-то новое, настоящее, чему нет цены в земной валюте. Где-то наверху, в полумраке купола, на него смотрел Лик, строгий и милующий, и Денис впервые в жизни неумело, но искренне перекрестился.

– —

Полевые исследования

Амбициозный аспирант-социолог Даниил выбирает тему диссертации, призванную деконструировать феномен веры в современной городской среде. Вооружившись научным скептицизмом и методами включенного наблюдения, он отправляется в храм, чтобы собрать данные о «социальных ритуалах». Однако встреча с настоятелем, в прошлом блестящим математиком, и необъяснимый опыт присутствия Живого Бога заставляют молодого ученого усомниться в универсальности своих инструментов познания.

Кафедра социологии и антропологии располагалась на шестом этаже нового университетского корпуса, целиком состоящего из стекла, бетона и амбиций. Даниил любил это место. Здесь пахло дорогим кофе из коворкинга, нагретым пластиком макбуков и уверенностью в том, что мир можно объяснить, оцифровать и упаковать в красивую презентацию.

Даниил был лучшим на потоке. Его статьи о поведенческих паттернах в цифровой среде цитировали даже профессора. Теперь, готовясь к написанию кандидатской, он искал тему, которая звучала бы дерзко, современно и гарантировала бы грант.

– «Адаптивные механизмы архаичных сообществ в постиндустриальном мегаполисе», – прочитал он вслух, откинувшись в эргономичном кресле. – Звучит неплохо.

Его научный руководитель, сухой и ироничный профессор Ландау, кивнул:

– Вы хотите исследовать православные приходы как социальные клубы?

– Именно, – Даниил покрутил в руках стилус. – Я хочу понять, почему молодые, образованные люди – айтишники, врачи, менеджеры – в двадцать первом веке вдруг обращаются к ритуалам двухтысячелетней давности. Моя гипотеза: это форма эскапизма. Защитная реакция психики на информационный шум. Им нужна «зона тишины», и церковь просто удачно заняла эту нишу.

– Что ж, коллега, – усмехнулся Ландау. – Вперед. Но помните главное правило антрополога: включенное наблюдение требует погружения, но запрещает эмпатию. Вы – камера. Вы фиксируете, а не чувствуете.

В следующее воскресенье Даниил начал свои «полевые исследования».

Он выбрал храм, расположенный неподалеку от университетского кампуса. Старинное здание из красного кирпича, чудом уцелевшее среди бизнес-центров, казалось инородным телом в организме делового квартала. Даниил вошел внутрь, чувствуя себя исследователем, спускающимся в батискафе на дно океана.

В кармане лежал диктофон, в телефоне была открыта таблица для фиксации демографических данных. Он встал у колонны, стараясь быть незаметным, и включил свой внутренний сканер.

«Объект номер один: женщина, около 30 лет, дорогая сумка, смартфон последней модели. Вероятно, маркетолог или PR. Стоит на коленях. Гипотеза: личный кризис, развод или проблемы с карьерой».

«Объект номер два: мужчина, 45 лет, спортивная куртка. Похож на силовика или охранника. Ставит свечу. Видимо, пытается „откупиться“ от совести».

Даниил мысленно расставлял теги над головами молящихся. Литургия для него была театральным действием, сложной хореографией, нагруженной символами, смысл которых участники, по его мнению, сами едва понимали. Дым ладана раздражал, монотонное пение усыпляло, но он стойко терпел, подсчитывая количество земных поклонов в минуту.

Внезапно его стройная теория дала сбой.

К чаше для причастия подошел заведующий кафедрой теоретической физики их же университета. Даниил знал его в лицо – светило науки, человек, чей интеллект был подобен скальпелю. Физик сложил руки на груди крестообразно и с выражением абсолютного, детского доверия открыл уста. Следом за ним шла девушка с его потока, язвительная феминистка, которая на семинарах громила патриархальные устои. Сейчас на её голове был белый платок, а на лице – такая тишина, какой Даниил никогда не видел в аудиториях.

«Статистическая погрешность? – подумал он, нахмурившись. – Или я чего-то не вижу в своих данных?»

Служба закончилась. Люди начали расходиться, но многие остались на молебен. Даниил решил, что пора переходить к фазе интервью. Ему нужен был «лидер общины».

Священник вышел из алтаря, снимая поручи. Это был высокий мужчина с проседью в бороде и внимательными, чуть усталыми глазами. Отец Георгий – так его называли прихожане.

Даниил подошел к нему, когда народ схлынул.

– Добрый день. Я аспирант университета, провожу социологическое исследование. Могу я задать вам пару вопросов о структуре вашего прихода?

Отец Георгий улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно открытая, без тени елейности или важности.

– Исследование? Что ж, наука – дело благое. Спрашивайте.

– Скажите, отец Георгий, как вы считаете, что именно привлекает современных людей в... э-э-э... вашей организации? Не кажется ли вам, что это поиск психологического убежища от стресса? Люди приходят сюда за утешением, потому что не могут справиться с реальностью сами?

Священник внимательно посмотрел на Даниила. В этом взгляде не было осуждения, только легкая ирония.

– А вы, молодой человек, когда голодны, идете в столовую за утешением или за едой?

– Это некорректная аналогия, – парировал Даниил, чувствуя привычный азарт диспута. – Еда – физиологическая потребность. Религия – социальный конструкт.

– Правда? – отец Георгий присел на скамью и жестом пригласил Даниила сесть рядом. – Знаете, я по первому образованию математик. Занимался теорией вероятностей. И тоже очень любил схемы, конструкции и доказательства.

Даниил удивился. Математик?

– И что заставило вас сменить науку на... это? – он обвел рукой полумрак храма.

– Я не менял, – спокойно ответил священник. – Я просто расширил инструментарий. Видите ли, наука отвечает на вопрос «как» устроен мир. Но она бессильна перед вопросом «зачем». Когда я занимался математикой, я восхищался красотой формул. Но в какой-то момент понял: если есть закон, должен быть и Законодатель. И если есть жажда, которую не может утолить ни карьера, ни деньги, ни даже наука, значит, где-то должен быть Источник воды живой. Иначе это противоречит логике мироздания.

Даниил хмыкнул:

– Вы заполняете пробелы в знании мистикой.

– Нет, Даниил (вы ведь так представились?), – отец Георгий покачал головой. – Это не пробелы. Это другое измерение. Вы смотрите на витраж снаружи, с улицы. Видите только серую пыль и свинцовые перемычки. И вы описываете в своей диссертации эту пыль: её химсостав, плотность, структуру. Но чтобы понять витраж, нужно войти внутрь. Только тогда ударит свет, и вы увидите сюжет. Вы увидите смысл.

– Красивая метафора, – признал Даниил. – Но ненаучная. Я не могу «войти внутрь» и остаться объективным наблюдателем.

– А вы не бойтесь потерять объективность, – вдруг серьезно сказал отец Георгий. – Бойтесь прожить жизнь, изучая меню, но так и не попробовав обеда. Приходите вечером. Просто постоит. Не пишите заметок. Отключите телефон. Попробуйте не анализировать, а... слушать.

Даниил ушел со смешанными чувствами. Разговор не укладывался в его матрицу. Священник не был мракобесом, он говорил на языке логики, но эта логика вела куда-то за пределы привычной системы координат.

Вечером он вернулся. Не ради исследования, а из-за странного чувства незавершенности, словно он решил сложное уравнение, но ответ не сошелся с ответом в конце учебника.

В храме горели только лампы. Было тихо, шла исповедь. Люди подходили к аналою, шептали что-то, отец Георгий накрывал их головы епитрахилью. Даниил стоял в углу, в тени. Он смотрел на лица тех, кто отходил от исповеди. Это не было «психологическим облегчением» в чистом виде. Это было что-то другое.

На клиросе начали петь: «Свете Тихий...»

Даниил закрыл глаза. Он знал этот текст – читал его в культурологическом справочнике. Гимн первых веков христианства. Но здесь, в полутьме, под сводами, где акустика была настроена веками молитв, слова звучали иначе.

«...Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...»

Внезапно его аналитический ум, этот вечно работающий процессор, затих. Осталась только звенящая, прозрачная тишина внутри. Словно кто-то нажал кнопку «пауза» в бесконечном потоке мыслей, гипотез, амбиций. Даниил почувствовал, как к горлу подступает ком. Это было иррационально. Ненаучно. Глупо. Он, аспирант лучшего вуза страны, стоял в темном углу и едва сдерживал слезы.

Он не видел ни ангелов, ни чудес. Он просто вдруг с пугающей ясностью осознал свое одиночество во Вселенной – и Того, Кто это одиночество заполняет С собой.

Это не было эскапизмом. Это было возвращением домой.

Он посмотрел на икону Спасителя в иконостасе. Строгий, но бесконечно любящий взгляд поверх времени и пространства. Казалось, Христос смотрел не на толпу, а лично на него, на Даниила, знающего всё о социальных страстях, но ничего – о собственной душе.

– «Полевые исследования», – прошептал Даниил, ирония в его голосе исчезла. – Оказывается, поле – это мое сердце.

Служба закончилась. Отец Георгий вышел на солею с крестом. Даниил не пошел целовать крест – он еще не был к этому готов. Но он не ушел сразу, как планировал.

Когда храм почти опустел, он подошел к свечному ящичку. Пожилая женщина за прилавком уже собиралась закрывать кассу.

– Молодой человек, вам свечи?

– Нет, – Даниил помедлил. – Скажите, у вас есть Евангелие? Только обычное, без толкований.

– Конечно, – она достала небольшую книгу в твердом переплете.

Даниил расплатился картой. Телефон в кармане вибрировал – приходили уведомления из рабочих чатов, дедлайн по статье, напоминания о встрече. Но все это вдруг стало таким далеким, словно происходило на другой планете.

Он вышел на улицу. Город сиял огнями, шумел машинами, спешил жить. Даниил вдохнул холодный осенний воздух. В его сумке лежала Книга, которая была старше всего этого города, старше университета и всех социологических теорий вместе взятых.

Он достал планшет, открыл файл с черновиком диссертации. Заголовок «Адаптивные механизмы архаичных сообществ...» мигал курсором, требуя продолжения.

Даниил выделил текст заголовка и нажал Backspace. Поле стало чистым.

Он немного подумал и набрал: «Глава 1. Проблема наблюдателя: границы научного метода в познании духовного опыта». Затем закрыл планшет и уверенно зашагал к метро.

Исследование только начиналось, и на этот раз объектом был он сам.

– —

Упущенная выгода

Владелец компании по поставке медицинского оборудования Дмитрий стоит перед выбором: закупить партию некачественных хрусталиков, чтобы спасти бизнес от банкротства, или сохранить чистую совесть, но потерять всё. В поисках ответа он едет к своему духовнику, отцу Георгию, чтобы понять истинную цену «упущенной выгоды» с точки зрения вечности.

В кабинете пахло остывшим кофе и дорогим кожаным кошельком. На столе перед Дмитрием лежала папка с документами, и эта папка весила, казалось, больше, чем весь сорокафутовый контейнер, который сейчас застрял на таможне в Новороссийске.

– Дим, ты меня слышишь? – Вадим, младший партнер, нервно крутил в руках стилус от планшета. – Это не просто выход, это лифт вверх. Мы закрываем кассовый разрыв, гасим кредит за склад и еще остаемся в плюсе на двадцать процентов. Двадцать! В нынешних условиях это манна небесная.

Дмитрий потер переносицу. Очки запотели. Он снял их, и лицо Вадима расплылось в нечеткое пятно, что было даже приятно.

– Это брак, Вадик, – тихо сказал Дмитрий. – Это отбраковка. Технический полимер.

– Это не брак! – взвился партнер. – Это «Категория Б». Китайцы честно пишут: микро-погрешность преломления на периферии. Человек этого даже не заметит! Ну будет у бабушки боковое зрение чуть мутноватым. Ей восемьдесят лет, она что, в снайперы пойдет? Зато мы выиграем тендер у городской больницы. Цена – ниже плинтуса. Главврач уже намекнул, что подпишет. Ему бюджет экономить надо.

Дмитрий встал и подошел к окну. Двадцать первый этаж бизнес-центра открывал вид на вечернюю Москву. Потoki машин – красные и белые огни – текли, как кровь по венам огромного, ненасытного организма. Его компания «Офтальмо-Трейд» занималась поставками интраокулярных линз – искусственных хрусталиков. Десять лет безупречной репутации. И вот теперь – кризис, скачок валюты, арест счетов из-за ошибки бухгалтерии, и этот проклятый контейнер.

Если они не возьмут этот тендер, в следующем месяце нечем будет платить зарплату. На складе работают мужики, у которых ипотеки, дети. У самого Дмитрия – третий ребенок родился полгода назад. Жена, Лена, только вчера показывала коляску, которую хотела купить.

– Срок принятия решения – до завтрашнего утра, – голос Вадима стал жестким. – Или мы отправляем заявку с этими линзами, или мы банкроты, Дима. Подумай о семье. Подумай о людях. Это просто бизнес. Никто не умрет.

Никто не умрет. Просто кто-то будет хуже видеть мир. Мир, созданный Богом.

– Я поеду, – Дмитрий схватил куртку. – Мне надо проветриться.

– Куда? Мы еще смету не свели!

– Вернусь через два часа.

Он вышел, чувствуя, как пиджак липнет к спине. Лифт падал вниз слишком быстро, закладывало уши. В машине он не сразу включил зажигание. Сидел, сжимая руль так, что побелели костяшки. Телефон блякнул – уведомление из банка: «Очередной платеж по кредиту через 3 дня». Луковый искуситель умеет бить точно в цель, выбирая момент максимальной уязвимости.

Дмитрий вырулил на проспект. Навигатор показывал пробки, но он знал маршрут наизусть. Ему нужно было туда, где не говорят про EBITDA, маржинальность и KPI. Ему нужно было в маленькую церковь в спальном районе, бывший детский сад, переделанный в храм в девяностые.

Вечерняя служба уже закончилась. В храме было тихо и полутемно, только у иконы Николая Чудотворца потрескивала лампада, да дежурная бабушка, которую звали Фотиния, протирала подсвечник. Запах ладана и пчелиного воска ударил в ноздри, перебивая въедливый офисный дух кондиционеров.

Из алтаря вышел отец Георгий. Он был в подряснике, рукава закатаны – видимо, что-то чинил. Священник был старым другом Дмитрия, еще с тех времен, когда Дмитрий был не генеральным директором, а простым студентом политеха, ищущим смысл жизни.

– Дмитрий? – отец Георгий прищурился. – Ты чего в такое время? Случилось чего?

Дмитрий подошел под благословение. Рука священника пахла не дорогим парфюмом, а маслом и деревом.

– Случилось, батюшка. Край пришел.

Они сели на лавочку в притворе. Дмитрий говорил сбивчиво, перескакивая с цифр на эмоции, рассказывал про контейнер, про Вадима, про «Категорию Б», про ипотеки сотрудников и глаза стариков. Отец Георгий слушал молча, перебирая четки. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня, но глаза оставались живыми и теплыми.

– Значит, говоришь, никто не заметит? – переспросил отец Георгий, когда Дмитрий замолчал.

– Вадим говорит, что приборы не покажут. Погрешность в пределах статистической нормы. Юридически мы чисты.

– А фактически?

– А фактически – это муть, батюшка. Словно туман в глазах. Человек будет думать, что это старость, или погода, или просто мир такой серый стал. А это мы ему дешевый пластик поставили.

Отец Георгий вздохнул и посмотрел на распятие, висевшее на стене.

– Знаешь, Дим, в бизнесе я не силен. Но вот что я тебе скажу из Евангелия. Там есть слова про «верного в малом». Если ты в малом неверен был, кто доверит тебе большое?

– Отче, да какое там «большое»? Тут бы штаны поддержать. Если я откажусь, я людей на улицу выгоню. Это ведь тоже грех?

– Грех, – кивнул священник. – Но есть иерархия. Скажи, ты когда эти хрусталики продаешь, ты что продаешь на самом деле? Пластик?

– Ну, изделие медицинского назначения...

– Нет, Дима. Ты продаешь свет. Ты возвращаешь людям возможность видеть иконы, лица внуков, небо. Ты – соработник Божий в возвращении зрения. А теперь тебе предлагают этот свет разбавить тьмой ради денег. Ты хочешь украсть у людей кусочек Божьего мира, чтобы закрыть кредит?

Дмитрий опустил голову. Слова падали тяжело, как камни.

– Но если я разорюсь, как я буду кормить семью? Как я буду помогать храму? Я же обещал вам крышу перекрыть...

Отец Георгий улыбнулся, и морщинки разбежались от глаз лучиками.

– О крыше не пекись. Господь управит. А вот если ты душу свою «перекроешь» дешевым материалом, тут уже никакой капремонт не поможет. Ты говоришь про упущенную выгоду. Это термин такой бухгалтерский, да?

– Да. Это деньги, которые мы могли бы получить, но не получили.

– Вот. А в духовной жизни всё наоборот. То, что ты сейчас «упустишь» ради правды, – это и есть твой самый главный капитал. Это твоё сокровище на небесах. А деньги... Знаешь, сколько я видел богатых людей, которые потеряли совесть? Они нищие, Дима. Страшно нищие. У них внутри – выжженная земля.

Священник положил руку на плечо предпринимателя.

– Представь, что этот хрусталик поставят твоей маме. Или тебе самому через двадцать лет. согласишься?

Дмитрий представил. Холодок пробежал по спине. Он вспомнил глаза своей матери, голубые, выцветшие от времени.

– Нет, – твердо сказал он. – Не соглашусь.

– Вот тебе и ответ. «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Остальное – от лукавого. Иди, Дима. Поступай как христианин, а не как делец. А Господь своих не бросает. Никогда не бросает, слышишь? Даже если кажется, что летишь в пропасть.

Дмитрий ехал обратно в офис. Город все так же сверкал, но теперь эти огни не раздражали. Они казались четкими, ясными. Решение было принято. Страх никуда не делся – страх перед будущим, перед разговором с партнером, перед банком. Но этот страх был где-то снаружи, а внутри, в глубине грудной клетки, появилась странная, звенящая тишина.

Он вошел в кабинет. Вадим сидел там же, перед светящимся монитором, и что-то быстро печатал.

– Ну что? Надумал? – партнер даже не обернулся. – Я тут уже подготовил черновик контракта.

Дмитрий подошел к столу, взял папку с предложением по «Категории Б» и медленно, с хрустом, разорвал ее пополам.

– Ты что творишь?! – Вадим вскочил, опрокинув чашку с остывшим кофе. Бурая жижа растеклась по документам.

– Мы не будем это закупать, – спокойно сказал Дмитрий. – Мы подаемся на тендер с премиум-линейкой. С той, что у нас на остатках.

– Ты идиот? – прошептал Вадим. – Мы проиграем по цене. Мы вылетим в трубу!

– Значит, вылетим. Но продавать мусор под видом медицины я не буду. Ищи других поставщиков, если хочешь, но без меня. А здесь – моя подпись, и я ее под подлогом не поставлю.

Вадим смотрел на него как на сумасшедшего. Покрутил пальцем у виска, выругался, собрал свои вещи и хлопнул дверью так, что задрожали жалюзи.

Дмитрий остался один. Он сел в кресло. На часах было десять вечера. Он открыл ноутбук, нашел файл с честной сметой и нажал кнопку «Отправить». Письмо улетело. Вместе с ним улетела надежда на легкие деньги и спокойную жизнь в ближайшие месяцы.

«Упущенная выгода», – подумал он. И вдруг улыбнулся. Впервые за неделю он дышал полной грудью.

Прошло три месяца.

Тендер они проиграли. Его выиграла фирма-однодневка, поставившая те самые дешевые аналоги. Компания Дмитрия пережила настоящий шторм. Пришлось продать служебный автомобиль, переехать в офис поскромнее, сократить штат – к счастью, самые ценные сотрудники согласились потерпеть задержки зарплаты, поверив директору.

Дмитрий стоял на складе, сам помогая грузчикам паковать небольшую партию для частной клиники. Руки были в пыли, спина ныла.

Зазвонил телефон. Незнакомый городской номер.

– Алло, Дмитрий Сергеевич? – голос был властным, но каким-то растерянным. – Это начмед городской больницы беспокоит. Мы тут... в общем, у нас ЧП. Партия, которую нам поставили победители тендера... Там пошли осложнения. Серия бракованная. Прокуратура уже занимается.

Дмитрий молчал, вытирая лоб рукавом.

– Нам срочно, слышите, срочно нужно закрыть потребность на следующую неделю. Операции уже назначены, люди ждут. Мы расторгли контракт с теми жуликами. У вас есть в нали-

чий качественный материал? Мы готовы взять по прямому договору, как у единственного надежного поставщика. Цену согласуем вашу.

Дмитрий посмотрел на стеллажи. Там, в коробках, лежал его «неликвид» – те самые качественные линзы, которые он отказался менять на дешевку.

– Есть, – сказал он, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. – Есть, Петр Иванович. Присылайте машину.

Вечером он заехал в храм. Отца Георгия не было, он уехал на требу. Дмитрий просто поставил свечку у той же иконы Николая Чудотворца. Огонек горел ровно, тянулся вверх, разгоняя сумерки. Упущенная выгода обернулась сохраненной честью, а Бог, как и обещал старый священник, своих не оставил. В кармане вибрировал телефон – приходили сообщения от сотрудников, получивших, наконец, полную зарплату. Дмитрий перекрестился и вышел на улицу, где весенний ветер уже разгонял тяжелые городские тучи, открывая чистое, звездное небо.

— —

Тепловой контур

В огромном человечнике на окраине мегаполиса соседи знают друг друга только по аватаркам и взаимным претензиям в домовом чате. Системный администратор Дмитрий, хирург Виктор, курьер Рустам и одинокая учительница Марья Ивановна живут за железными дверьми, пока в Страстную Субботу коммунальная авария и внезапная беда не заставляют их выйти из зоны комфорта. История о том, как холодное отчуждение плавится под огнем Пасхальной радости, и как восстанавливается самый главный контур – человеческий.

Двадцать пятый этаж новостройки серии «Комфорт-плюс» дрожал от весеннего ветра, но за тройными стеклопакетами царила стерильная тишина. Дмитрий, системный администратор тридцати пяти лет, сидел перед тремя мониторами. На левом бежали логи серверов, на правом – стрим из Иерусалима, где тысячи людей ждали схождения Благодатного Огня, а на центральном висело окно, которое Дмитрий ненавидел больше, чем вирусные атаки: общедомовой чат «ЖК Ясеневые Холмы».

Чат напоминал поле битвы, где пленные не брались, а раненых добивали смайликами.

– *Уважаемые соседи из 145-й!* – писал пользователь с ником «AngryMom». – *Прекратите сверлить! Страстная Суббота, совести у вас нет!*

– *Согласно закону о тишине, имеем право до 23:00,* – огрызнулся аватар с изображением перфоратора. – *Бог терпел и нам велел.*

– *Кто опять подпер мою машину на пандусе?* – вклинился «BMW_X5». – *Вызову эвакуатор, не посмотрю на праздник!*

Дмитрий поморщился. Великая Суббота. День тишины, когда вся тварь должна молчать, ожидая Воскресения. А здесь – ярмарка тщеславия и злобы. Он хотел было написать что-то язвительное про уровень кортизола, но сдержался. Его вера была похожа на его серверную: закрытая, охлаждаемая, со строгим доступом. Он молился по расписанию, постился по календарю, но выходить в реальный мир, в этот подъездный хаос, не желал.

Вдруг чат мигнул красным.

– *Соседи! Срочно! У кого есть ключи от тамбура на 25-м этаже? Там вода хлещет!* – написала «УК_Диспетчер».

Дмитрий замер. Это был его этаж. Он снял наушники и прислушался. Сквозь качественную шумоизоляцию пробивался звук, похожий на горный ручей. Вздохнув, он накинул куртку, сунул ноги в кроссовки и открыл дверь.

В общем коридоре пахло сыростью и старым бетоном. У соседской двери – квартиры 254 – уже стоял парень в ядовито-желтой куртке курьера службы доставки. Это был Рустам, вечно спешащий сосед, которого в чате ругали за оставленный велосипед.

– Брат, там потоп, – сказал Рустам, убирая телефон. – Я звонил, стучал – никто не открывает. А там бабушка живет, учительница бывшая, Марья Ивановна.

– Может, уехала? – предположил Дмитрий, глядя на лужу, расплзающуюся из-под двери.

– Не, она не ходит почти, – покачал головой Рустам. – Я ей продукты ношу иногда. Она дома. Слышишь?

Дмитрий прижался ухом к холодному металлу двери. Изнутри, сквозь шум воды, доносился слабый, жалобный стон.

– Ломать надо, – твердо сказал Дмитрий. – Я сейчас МЧС наберу, но пока они доедут по пробкам...

Лифт звякнул, и на этаж вышел высокий, сутулый мужчина с уставшими глазами. Виктор, травматолог из 255-й. Он возвращался после суточного дежурства, мечтая только о подушке. Увидев воду и соседей, он мгновенно подобрался, словно снова оказался в операционной.

– Что случилось? – голос его стал жестким и четким.

– Марья Ивановна, похоже, упала. Вода течет, она стонет, дверь закрыта, – отрапортовал Дмитрий.

Виктор оценил дверь. Китайская сталь, замки хлипкие, но без инструмента не возьмешь.

– У меня в багажнике монтировка, – сказал врач. – Я мигом. Рустам, ты молодой, беги на пятый этаж, там отец Николай живет, священник. У него, кажется, болгарка была, он ремонт делает.

– Понял! – желтая куртка мелькнула в пролете лестницы. Лифты ждать было некогда.

Через пять минут лестничная клетка превратилась в оперативный штаб. Отец Николай, крепкий мужчина с окладистой бородой, припорошенной строительной пылью, прибежал с ломиком (болгарку решил не брать – искры, вода, опасно). Он был в домашнем спортивном костюме, но на груди, под олимпийкой, угадывался крест.

– Господи, благослови, – выдохнул священник. – Давайте, мужики. На «раз-два».

Дмитрий, привыкший работать головой, а не руками, навалился плечом вместе с Рустамом. Виктор и отец Николай орудовали инструментом. Металл скрипнул, поддался, и дверь распахнулась.

В нос ударил запах лекарств и горячей воды. Квартира была в пару. В ванной сорвало гибкую подводку, кипяток бил в стену. Марья Ивановна лежала в коридоре, бледная, неестественно подвернув ногу. Она пыталась дойти до крана перекрытия, но поскользнулась.

– Не трогать! – скомандовал Виктор. Он опустился на колени прямо в воду. – Рустам, перекрой воду, вентиль под бачком. Дима, вызывай скорую, говори: подозрение на перелом шейки бедра, возраст 78 лет, шоковое состояние. Отче, дайте что-нибудь под голову.

Пока Рустам боролся с вентилем, а Дмитрий диктовал диспетчеру адрес, отец Николай нашел в комнате плед и осторожно подложил под голову старушки.

– Марья Ивановна, родная, мы здесь, мы рядом, – тихо говорил священник, держа её за холодную руку. – Христос с нами, не бойтесь.

Старушка открыла мутные глаза.

– Ой, батюшка... Залила я вас... Стыд-то какой... Пасха же...

– Ничего, – улыбнулся отец Николай, вытирая пот со лба. – Вода высохнет. Главное, вы живы.

Скорая приехала удивительно быстро – видимо, праздничные дороги были свободны. Марью Ивановну погрузили на носилки. Виктор поехал с ней как сопровождающий и коллега, чтобы проконтролировать прием в больнице.

Оставшись втроем в разгромленной, мокрой квартире, мужчины переглянулись.

– Ну что, – сказал Рустам, выжимая край куртки. – Убраться надо. Негоже ей возвращаться в болото.

– Согласен, – кивнул Дмитрий. – У меня моющий пылесос есть промышленный. Сейчас притащу.

– А я пока сантехнику почию нормально, – сказал отец Николай, закатывая рукава. – Не дело это, когда в праздник трубы плачут.

Следующие два часа они работали молча, но слаженно. Дмитрий собирал воду, Рустам мыл полы, священник менял лопнувший шланг на надежную трубу, которую принес из своих запасов.

Когда всё было закончено, за окном уже сгустились сумерки. Москва зажигала огни, превращаясь в море электрического света.

– Чай будете? – спросил Дмитрий. Впервые за пять лет жизни в этом доме он приглашал соседей к себе.

Они сидели на кухне Дмитрия. Рустам, мусульманин, с уважением рассматривал иконы в красном углу, но ничего не спрашивал. Отец Николай, отмыв руки от ржавчины, выглядел уставшим, но мирным.

– Я вот думаю, – сказал вдруг Рустам. – Мы ведь в чате только лаем друг на друга. А как беда – так все люди. Почему так, а?

– Потому что грех разделяет, а любовь соединяет, – ответил отец Николай. – Мы построили стены из бетона, а потом еще стены из гордыни. Тепловой контур дома держит тепло физическое, а духовный контур разорван. Вот и сквозит из всех щелей холодом равнодушия.

Дмитрий посмотрел на священника. Он привык к другим метафорам – сетевым, цифровым. Но эта «инженерная» теология попала в точку.

– Отче, вам же на службу скоро? – спохватился Дмитрий.

– Да, через час начало, – отец Николай посмотрел на часы. – Надо облачаться.

– Я вас подвезу, – вызвался Дмитрий. – А то такси сейчас не дожدهшься.

– И я с вами, – вскочил Рустам. – Я куличи купил, маме хотел отправить, но она далеко. Можно я... ну... в церковь передам? Для бедных, или кто там у вас нуждается?

Отец Николай посмотрел на парня долгим, теплым взглядом.

– Можно, Рустам. Бог любовь принимает на любом языке.

...

Ночь была наполнена звоном. Казалось, гудит сам воздух. Дмитрий стоял в притворе храма, зажатый в плотной толпе. Раньше его бы это раздражало: духота, толкотня, чужие запахи. Но сегодня он чувствовал другое. Плечо справа – это плечо того, кто готов ломать двери ради спасения жизни. Плечо слева – того, кто готов не спать после суток дежурства.

Виктор прислал сообщение в личку: *«Марью Ивановну прооперировали. Состояние стабильное. Я остался в отделении, присмотрю до утра. С Праздником вас!»*

Крестный ход потек рекой вокруг храма. Огоньки свечей дрожали на ветру, но не гасли – люди прикрывали их ладонями, передавая пламя друг другу. Дмитрий увидел в толпе отца Николая. Тот шел в золотом облачении, сияющий, громко возглашая: «Христос Воскресе!». И сотни голосов, сливаясь в единый мощный гул, отвечали: «Воистину Воскресе!»

Дмитрий достал телефон. Открыл тот самый чат «ЖК Ясневые Холмы». Там по-прежнему висели старые ругательства про парковку.

Он набрал текст:

«Соседи! С Марьей Ивановной из 254-й всё будет хорошо, она в больнице. Воду убрали, аварию устранили. Пожалуйста, не ругайтесь сегодня. Христос Воскресе!»

Он нажал «Отправить».

Секунда тишины.

И вдруг посыпалось.

«Воистину Воскресе!» – ответил «Перфоратор».

«Воистину Воскресе! Спасибо вам, мужики!» – написала «AngryMom».

«Слава Богу! Воистину Воскресе!» – отозвался «BMW_X5».

Дмитрий поднял глаза от экрана. Свеча в его руке догорала, но от неё уже зажег свою свечку стоящий рядом незнакомый паренек. Тепловой контур замкнулся. Сеть была восстановлена. Связь есть.

— —

Пересортица

История о циничном директоре по логистике, который отправляется в церковный приют, чтобы оптимизировать «бизнес-процессы» раздачи еды, но сталкивается с тем, что небесная бухгалтерия работает по иным законам, нежели земная складская программа.

Дмитрий Сергеевич любил порядок. Нет, не так: он исповедовал порядок как единственно верную религию. В его ведении находилось триста тысяч квадратных метров складских площадей класса «А», где роботы-штабелеры бесшумно скользили по идеально ровным полам, а WMS-система знала о местонахождении каждой зубочистки. Логистика – это кровеносная система экономики, и Дмитрий был её кардиологом. Любой тромб, любая задержка, любой пересорт – и он лично вскрывал проблему скальпелем штрафов и регламентов.

В ту пятницу он ехал не домой, в свой стерильный лофт на двадцать пятом этаже, а на окраину города, в промзону, до боли напоминавшую старые, ещё советские базы. Компания выделила бюджет на благотворительность – «социальная ответственность бизнеса», как выражались в пиар-отделе, – и перечисляла средства небольшому церковному приюту для бездомных. Дмитрий, увидев отчеты, поморщился. Эффективность использования средств вызывала у него профессиональный зуд. «Непрозрачные расходы», «отсутствие четкого графика поставок», «хаотичная ротация волонтеров». Он решил провести, так сказать, выездной аудит.

Машину пришлось оставить у ржавых ворот. Дальше – пешком через лужи, в которых отражалось серое ноябрьское небо. Приют ютился в полуподвале при храме, который, казалось, сам нуждался в капитальном ремонте. У входа сидел крупный лохматый пес неопределенной породы. Животное внимательно посмотрело на дорогие ботинки Дмитрия, но лаять не стало, лишь тяжело вздохнуло, положив морду на лапы.

Внутри пахло. Этот запах Дмитрий узнал бы из тысячи: смесь дешевой хлорки, вареной капусты и застарелой, въевшейся в стены человеческой беды. В коридоре было тесно. Люди в грязных пуховиках, с обветренными, землистыми лицами стояли в очереди к раздаточному окну.

– Нарушение поточности, – пробормотал Дмитрий, автоматически отмечая узкое горлышко процесса. – Если поставить столы буквой «П», пропускная способность увеличится на пятнадцать процентов.

Он прошел вглубь, в пищеблок. Там царила суeta, которую он так презирал. Какие-то женщины резали хлеб слишком толстыми ломтями, молодой парень в очках – кажется, айтишник, судя по сленгу и сутулости – таскал тяжелые кастрюли, расплескивая суп. Всем процессом руководил высокий священник с уставшими глазами и седой бородой, в забрызганном подряснике.

– Отец Андрей? – Дмитрий включил режим «жесткий переговорщик». – Я от спонсоров. Приехал посмотреть, как вы тут... осваиваете.

Священник вытер руки полотенцем и улыбнулся так, словно ждал именно Дмитрия и именно сейчас.

– Ангела за трапезой, Дмитрий Сергеевич. Проходите. У нас сегодня аврал, двое заболели, рук не хватает. Вы не поможете бак с компотом переставить? А то спину прихватило.

Дмитрий опешил. Он приехал проверять накладные, а не грузчиком работать. Но отказать священнику, смотрящему с таким простым доверием, оказалось сложнее, чем уволить начальника смены. Он снял кашемировое пальто, аккуратно повесил его на единственный чистый гвоздь и взялся за ручку огромной алюминиевой кастрюли.

– Тяжелая, зараза, – процедил он, ставя бак на стол.

– Тяжелая, – согласился отец Андрей. – Человеческая боль вообще штука увесистая.

Дмитрий достал блокнот.

– Давайте к делу. Я понаблюдал за вашей логистикой. Это катастрофа. Вы теряете время, ресурсы расходуются нерационально. Вот тот мужчина, – он кивнул на бомжа, который долго выбирал шапку из коробки с гуманитарной помощью, – он задерживает очередь уже три минуты. Вы должны выдавать готовые комплекты. Унификация. Стандартизация.

Отец Андрей вздохнул и сел на табурет.

– Дмитрий Сергеевич, у вас на складах товары имеют душу?

– У меня на складах товары имеют артикул, штрих-код и ячейку хранения. Душа в логистике – это лишняя переменная, ведущая к ошибкам.

– А у нас тут, понимаете ли, сплошная пересортица, – тихо сказал священник. – С точки зрения мира – это списанный товар. Брак. Неликвид. А с точки зрения Неба – каждый из них штучный экземпляр, ручная работа. Вон того, который шапку выбирает, звали когда-то «Золотой скальпель». Хирург. Спас сотни жизней. Потом жена умерла, запил, квартиру «черные риелторы» отжали... Враг рода человеческого, он ведь тоже своего рода логист – быстро людей в утиль списывает. А мы пытаемся инвентаризацию провести. Доказать, что они еще числятся на балансе у Бога.

Дмитрий хмыкнул. Красивые слова прикрывали бардак.

– Я все понимаю, отец Андрей. Трагедии, судьбы. Но если вы будете копать с каждым, остальные останутся голодными. Эффективность – это тоже форма милосердия.

– Так встаньте на раздачу, Дмитрий Сергеевич. Покажите класс. Вон, Кирилл, – священник кивнул на парня-айтишника, – совсем выдохся. Подмените его на полчаса. А потом и накладные посмотрим.

Это был вызов. Дмитрий закатал рукава белоснежной рубашки, надел одноразовый фартук и перчатки. «Сейчас я покажу им, как работает конвейер», – подумал он.

Он встал на раздачу второго. Гречка с тушенкой. Алгоритм простой: тарелка, черпак, кусок хлеба, следующий. Тарелка, черпак, хлеб, следующий. Никаких разговоров. Секунда на порцию.

Очередь пошла быстрее. Дмитрий работал как автомат, чувствуя привычное удовлетворение от отлаженного ритма. Люди подходили, протягивали грязные руки, брали тарелки и уходили. Лиц он не видел – только руки. Опухшие, в цыпках, в татуировках, трясущиеся.

– Быстрее, не задерживаемся, – командовал он, когда кто-то мешкал.

Внезапно конвейер встал. Перед ним стояла старушка. Маленькая, сгорбленная, в нелепом берете, из-под которого выбивались седые космы. Она не брала тарелку.

- Женщина, забирайте, очередь стоит, – раздраженно бросил Дмитрий.
- Сынок... – голос у неё был скрипучий, как несмазанная тележка. – А погляди на меня.

Дмитрий поднял глаза. Лицо старухи было похоже на печеное яблоко, но глаза – ясные, голубые, пугающе молодые.

– Чего вам?

– У тебя пуговица оторвется сейчас. На манжете. Дай-ка я пришью. У меня и иголка с собой, и нитки... Я ж швеей была, на «Большевичке».

Дмитрий глянул на рукав. Дорогая перламутровая пуговица действительно висела на одной ниточке.

– Не надо, я сам. Берите кашу.

– Да ты не брезгуй, – она вдруг улыбнулась, и в этой улыбке не было ни заискивания, ни просьбы, только какое-то щемящее материнское тепло. – Ты ведь устал, сынок. Я вижу. Глаза у тебя... пустые. Вроде и сытый, и одет богато, а внутри – сквозняк гуляет. Как на пустом складе.

Дмитрий замер. Черпак с гречкой дрогнул в его руке. Сзади начали роптать, но он не слышал. Он смотрел в эти голубые глаза и чувствовал, как рушится его идеальная внутренняя логистика. Эта женщина, от которой пахло улицей, жалела ЕГО. Не просила денег, не жаловалась на судьбу, а хотела пришить ему пуговицу и жалела его «пустоту».

- Как вас зовут? – спросил он хрипло, нарушая собственный запрет на лишние разговоры.
- Верой крестили. Вера я.

Она взяла тарелку, перекрестила её, потом перекрестила Дмитрия.

– Спаси тебя Христос, сынок. Ищи то, что не теряется. А то всю жизнь коробки переставлять будешь, а главного не найдешь.

Она отошла, шаркая растоптанными ботинками. Дмитрий стоял, глядя ей вслед. Конвейер в его голове сломался. WMS-система выдала критическую ошибку: «Обнаружен неучтенный актив: Живая Душа».

– Дмитрий Сергеевич! – окликнул его Кирилл-айтишник. – Там каша кончается, новую нести?

Дмитрий снял перчатки. Руки у него дрожали. Он вышел из-за раздачи, подошел к отцу Андрею, который утешал кого-то в углу.

- Отец Андрей, – тихо сказал Дмитрий. – Я не буду смотреть накладные сегодня.
- Почему? Нашли серьезные нарушения?
- Да. Недостачу. У себя внутри.

Священник внимательно посмотрел на него, и в его взгляде не было осуждения, только понимание.

– Это хорошая новость, Дмитрий. Когда видишь недостачу, начинаешь искать, чем её заполнить. Хуже, когда думаешь, что склад полон, а там – одна упаковка, внутри пустота.

Дмитрий кивнул. Он достал из кармана визитку, повертел её в руках – «Директор по логистике». Сейчас это звание казалось ему смешным.

– Я пришлю вам завтра машину. Нормальную, грузовую. И стеллажи привезем, металлические, у нас при переезде офиса остались. Я сам расставляю. Чтобы удобно было. Не для скорости... а чтобы бабушке Вере не нужно было тянуться высоко за крупной.

– Спаси Господи, – тихо сказал отец Андрей.

Дмитрий вышел на улицу. Дождь кончился. В лужах теперь отражались не серые тучи, а первые звезды и крест на куполе храма. Пес у ворот поднял голову и, кажется, впервые вильнул хвостом.

Дмитрий сел в свою роскошную машину, положил руки на руль, но заводить двигатель не спешил. Он посмотрел на манжету, где висела на честном слове дорогая пуговица. Вспомнил глаза старухи. Впервые за много лет он не знал, каков его следующий шаг по плану. И в этой неизвестности, в этом отсутствии плана было что-то настоящее. Живое.

Он достал телефон, открыл календарь, забитый встречами, и на завтрашнее утро, на субботу, вместо «Сквош с партнерами» написал одно слово: «Приют».

Затем он посмотрел на темнеющее небо над куполами и, неумело сложив пальцы щепотью, впервые в жизни осознанно перекрестился.

— —

Органическая выдача

Кирилл, успешный SEO-специалист, привык манипулировать алгоритмами поисковых систем, чтобы выводить сайты в топ. Для него жизнь – это набор метрик, конверсий и ROI. Столкнувшись с профессиональным выгоранием и паническими атаками, он отправляется в монастырь на «цифровой детокс», планируя «оптимизировать» свою психику за неделю. Однако в мире, где молчание важнее ключевых слов, а благодать нельзя купить, как контекстную рекламу, Кирилл понимает, что главные ответы находятся не в топе выдачи, а там, куда он боялся заглянуть – в глубине собственного сердца.

Кирилл остановил свой черный кроссовер у массивных деревянных ворот, украшенных потемневшей от времени резьбой. Навигатор в смартфоне бодро рапортовал: «Вы прибыли в место назначения». Кирилл криво усмехнулся. Место назначения. Если бы всё было так просто. В его мире, мире поисковой оптимизации, «местом назначения» была первая строчка в выдаче «Яндекса» или Google. А здесь, среди заснеженных елей и белых стен Озерского монастыря, конечная цель терялась в тумане, как и купола надвратной церкви.

Он вышел из машины, поежившись от пронзительного ветра. В кармане пальто вибрировал iPhone – рабочий чат разрывался от сообщений. Клиент, продающий элитную сантехнику, паниковал из-за падения трафика. Кирилл привычно свайпнул уведомление. «Подождут. У меня детокс».

Кириллу было тридцать два. Он знал всё о семантическом ядре, поведенческих факторах и алгоритмах ранжирования. Он мог заставить тысячи людей кликнуть туда, куда им не особо-то и хотелось. Но последние полгода он сам чувствовал себя битой ссылкой. Панические атаки накрывали внезапно, обычно посреди ночи, когда лицо освещал только холодный свет монитора. Врач, молодой невролог в частной клинике, прописал таблетки и посоветовал: «Уберите экраны. Вам нужно заземлиться. В прямом смысле».

В привратничкой его встретил отец Матфей – высокий, сухопарый монах с бородой, в которой седина путалась с рыжиной, словно осенняя листва с первым снегом.

– Кирилл Александрович? – уточнил он, сверяясь с бумажным списком. – Благодатный предупрежден. Условия помните? Связь только для экстренных звонков, гаджеты сдаем.

Кирилл достал телефон. Палец замер над экраном. Последний взгляд на графики в Google Analytics. Зеленая стрелка вверх. Хорошо. Можно отключаться.

– Держите, отец Матфей. Пароль – шесть нулей. Если что – звоните маме, контакт в избранном.

– У нас тут, Кирилл, связь иная, – улыбнулся монах, убирая смартфон в сейф. – Более надежная, хотя покрытие иногда сбоят из-за «помех» в сердце. Пойдемте, покажу келью.

Келья оказалась чистой, но спартанской: кровать, стол, икона Спасителя в углу и маленькое окно, выходящее на хозяйственный двор. Никакого Wi-Fi, разумеется.

«UX-дизайн так себе, – профессионально оценил Кирилл, садясь на жесткий матрас. – Интерфейс недружелюбный, юзабилити страдает. Но, говорят, конверсия в душевный покой здесь высокая».

Первые два дня прошли в ломке. Рука автоматически тянулась к карману проверить мессенджеры. Мозг, привыкший переваривать гигабайты информации, голодал. Тишина зве-

нела в ушах, как неисправный трансформатор. Кирилл пытался анализировать службу в храме с точки зрения маркетинга.

«Слишком длинные тексты, – думал он, стоя на вечерне и переминаясь с ноги на ногу. – Аудитория теряет внимание через пятнадцать минут. Нужен call-to-action, призыв к действию, а тут все монотонно. Почему они не сократят литургию до получаса? Это повысило бы посещаемость».

На третий день его отправили на послушание в трапезную – чистить овощи. Огромные мешки моркови и картофеля. Рядом с ним работал послушник – молодой парень в очках с толстыми линзами, представившийся Димой.

– Ты кем в миру был? – спросил Кирилл, яростно счищая кожуру с картофелины. Ему казалось, что он теряет время. Его час стоит двести долларов, а он тут корнеплоды скоблит.

– Системным администратором, – спокойно ответил Дима, ловко орудуя ножом. – Серверные стойки собирал, сети настраивал.

– И как? Не жалеешь? Дауншифтинг жесткий.

Дима улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли того цинизма, к которому привык Кирилл в рекламных агентствах.

– Знаешь, я раньше думал, что главное – это аптайм. Чтобы система работала без сбоев, 99 и 9 в периоде. А потом понял, что я сам – сервер, который давно перегрелся и висит. А бэкапов души не бывает. Если данные потеряешь – восстанавливать не из чего. Вот, приехал сюда патчи ставить.

Сравнение Кириллу понравилось.

– И как, встали обновления?

– В процессе. Тут, брат, пинг долгий. Ответ от «Администратора» не сразу приходит. Нужно терпение.

Вечером того же дня Кирилл, уставший и пахнущий сырой землей, зашел в храм. Служба уже закончилась, горели лишь несколько лампад. В полумраке лики святых смотрели строго и одновременно с сочувствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.